

# ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

© 1995 г. И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ\*

## ЗАМЫСЕЛ И НАЗВАНИЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Древнерусские летописи, и в частности Повесть временных лет, при всей пестроте включаемых в них сведений и текстов имеют определенную внутреннюю логику. По словам Д. С. Лихачева, летопись, «рассмотренная вблизи, в упор... производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но окинутая взором в целом, она поражает нас строгою продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи»<sup>1</sup>. Образ летописи-мозаики давно уже стал хрестоматийным. Однако до сих пор никому не удалось ответить на простой, казалось бы, вопрос: что представляет собой идея, присутствие которой превращает внешне пестрый, сложный, неоднородный конгломерат «разновременных кусков», «произведений разных жанров» (Д. С. Лихачев) в стройную, законченную на каждом этапе своего развития конструкцию? Что это за «единая мысль, которая оживляет всю композицию»? Вряд ли это «всепроницающий патриотизм содержания» Повести<sup>2</sup> (тем более что понятие патриотизма в XI — начале XII в., по-видимому, существенно отличалось от привычного нам представления). Трудно вычленить патриотическую идею, скажем, в сообщениях о налете саранчи или о смерти никогда более не упоминавшейся в летописях Малфреды.

Даже если признать основой целостности летописного текста единство всех жизненных противоречий, по всей видимости, мы не найдем решения вопроса. При таком подходе «кусочки драгоценной смальты» представляются по большей части индифферентными («случайный набор») по отношению к тому монументальному образу, который они составляют в своей совокупности. Констатация их самоценности не дает ключа к пониманию того, что же их объединяет в летописном повествовании. Между тем они не могут не иметь общей основы, которая и позволила летописцу отобрать для своего труда именно эти, а не другие «кусочки» и включить их в общую композицию именно здесь, а не в другом месте. И дело не может быть сведено лишь к хронологическому «сопровождению» (как это обычно делается). Несомненно, даты летописных известий — ориентир чрезвычайно важный. Но он не может быть единственным, что придает в глазах летописца ценность информации о происходящем. В конечном итоге эти даты — элемент внешнего, чувственного образа летописного сообщения. Но должно быть и что-то внутреннее, духовное, быть может, невидимое на первый взгляд, что объединяет все эти «кусочки» в единую картину. Идея, которая придает летописи цельность и стройность, должна так или иначе присутствовать в каждом фрагменте, составляющем ее мозаичное полотно. Замысел должен воплотиться во внутренней форме источника, а та, в свою очередь, — в форме внешней<sup>3</sup>. Кроме того, замыслу в большей или меньшей степени должно соответствовать и название произведения. В отношении Повести временных лет это тем более справедливо, что при обычной для древнерусских текстов неустойчивости их заголовков, первые три строки наиболее раннего из дошедших до нас летописных сводов остаются — по крайней мере по содержанию — практически неизменными: «Се повести времяных лет,

\* Данилевский Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Института развития личности РАО.

откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»<sup>4</sup>.

Как известно, название древнейшей русской летописи имеет свою историю. По мнению А. А. Шахматова, Начальный свод, предшествовавший Повести временных лет, именовался так: «Временьник, иже нарицается Летописание русьских князь и земля Русьская, и како избьра Бог страну нашу на последнее время, и града почаша бывати по местом, преже Новьгородская волость и по томь Киевская, и о статьи Киева, како вьименовася Киев»<sup>5</sup>.

«Последнее время», о котором идет здесь речь, — то же самое, что «последний днь» или «последняя лета» — конец мира, день Страшного Суда<sup>6</sup>. Богоизбранность Русской земли («как избьра Бог страну нашу»), упоминаемая в этом названии, существенно отличается от ветхозаветного понятия, обозначаемого тем же словом. В наименовании Начального свода явно подразумевается история христианского просвещения Руси. Собственно, эта тема и является ведущей в первой части Повести временных лет (вплоть до похвалы Ярославу Владимировичу под 6545 годом). Летописец рассказывает о том, как Слово Божие после Потопа было утрачено (разделение языков — начало собственно язычества<sup>8</sup>), а затем вновь обретоно — через переложение книг на славянский язык, крещение<sup>9</sup> и христианизацию Руси, завершившуюся учреждением Киевской митрополии.

Одновременно этот момент воспринимался и как начало подготовки к концу света, поскольку проповедание Евангелия «по всей Вселенной» непосредственно должно предшествовать Страшному Суду<sup>10</sup>. В связи с этим представляет особый интерес текст, завершающий Геннадиевскую Библию 1499 г. Это «Разрешение неизреченного откровения», которое приписывается римскому епископу Ипполиту. После цитирования первых четырех стихов 20-й главы Апокалипсиса автор приводит рассуждение, заслуживающее, на наш взгляд, особого внимания: «И по отрешению же реченному (подразумевается освобождение перед концом света дьявола «на малое время»). — *И. Д.* ) размыслим: Рече евангелист, яко связа диавола на тысящу лет. Отнеле же бысть связание его? От вшествия въ ад Господа нашего Иисуса Христа в лето пятьтысящное пятсотное и тридесять третье [да иже до лета шестьтысящнаго и пятьсотнаго и тридесять третиаго, внегда исполнитися тысяща лет. И тако отрешится сатана по праведному суду Божию и прельстит мир до реченнаго ему времени, еже три и пол лета, и потом будет конець]. Аминь»<sup>11</sup>. Из этого следует, что после 6537 г. ожидание конца света на Руси приобретало особое напряжение. К сожалению, в приведенном фрагменте недостаточно прямых временных указаний, чтобы установить, какая эра от Сотворения мира была использована его автором. Между тем, поскольку Писание позволяет лишь условно установить даты Сотворения мира и Рождества Христова, известно свыше двухсот различных сочетаний этих эр. Поэтому без специального исследования подобные расчеты не могут быть точно переведены на так называемую «нашу» эру (эру от Рождества Христова, рассчитанную Дионисием Малым). Насколько серьезны могут быть погрешности при условных пересчетах, обычно используемых в отечественных исторических исследованиях, показывают следующие примеры.

П. В. Хавский приводит фрагмент из Следованной Псалтири, в котором Рождество (25 декабря) отнесено к «лету от Сотворения мира 5500, индикта 10, круга Солнца 12, Луны 9, в среду»<sup>12</sup>. Сопоставление всех перечисленных в ней данных позволяет установить, что, хотя используемая здесь эра и не является константинопольской (насчитывающей 5508 лет от Сотворения мира до нашей эры), 1-й год эры Дионисия Малого будет соответствовать ее 5509 г.<sup>13</sup>

Другим примером такого рода может быть датировка Благовещения (25 марта) в Речи Философа: «В сего же (Ирода. — *И. Д.* ) власть, в лето 5500, послан бысть Гаврил в Назарет к девице Марьи»<sup>14</sup>. Сопоставление приводимых Философом относительных расчетов с абсолютными датами, восстанавливаемыми по независимым источникам, показывает, что для того чтобы правильно перевести на

ныне общепринятую систему летосчисления даты от Сотворения мира, содержащиеся в этом тексте, из них надо вычитать не 5500, как подсказывает здравый смысл, а 5505 (для января — августа) или 5506 (для сентября — декабря) лет<sup>15</sup>.

Если же, вопреки всем сомнениям, возникающим из-за недостатка хронологической информации, дата в расчете Ганнадиевской Библии (6537 г. ) дана по аннианской эре, насчитывающей 5500 лет от Сотворения мира до Рождества Христова (по эре Дионисия Малого), мы получаем новые данные, позволяющие вернуться к наблюдению А. А. Шахматова, обнаружившего в тексте Повести временных лет в статьях 6544—6545 гг. какой-то серьезный рубеж. Напомним, что это послужило основанием для гипотезы о существовании так называемого Древнейшего свода 1036—1039 гг.<sup>16</sup> Во всяком случае сопоставление дат основания Киевской митрополии (1036/37 г. ), строительства Софии Киевской (1036/37 г. ), произнесения «Слова о Законе и Благодати» (1038 г. ), помещения в Повести временных лет похвалы Ярославу Владимировичу (1037 г. ) и года, рассчитанного в послесловии Геннадиевской Библии, наводит на мысль, что их приблизительное совпадение во времени не случайно.

Видимо, до определенного момента сам факт принятия христианства считался достаточным условием для благоприятного ответа на Страшном Суде. Эта мысль явно звучит в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона: «Сынъмъ Своимъ вся языки спясе Еуангелиемъ и крщениемъ вводя я въ обновление пакыбытия — въ жизнь вечную» (стрк. 18—20); «крщение же сыны свои препущаетъ на вечную жизнь» (стрк. 48—49); «Да иже веруетъ и крщиться, спасен будетъ!» (стрк. 346; Мк. 16. 16) и др.<sup>17</sup>

Однако уже через несколько лет после произнесения «Слова» точка зрения на перспективы спасения, судя по всему, изменилась. Все больше на Руси (да и в Западной Европе) акцент смещается на идею воздаяния за конкретные дела, добрые и злые, праведные и греховные, совершаемые христианами на этом свете. Так, эта мысль последовательно проводится в Изборнике 1076 г.: «Яко да написаеть ся въ твоей мысли вьсегда: Вьторааго пришьствия Соудии гьрдыи на престоле седяштя — книги отвьврзаемы, дела тайная обличяема <... > И слово о сътворенныхъ даюштя: отъ правдьникъ грешьнии разлоучяеми. И напрасно тьгда грешьникомъ сълоучаеть ся <... > Елико добрыя детели имоущая, ихъ въ Небесное Царьство вьводять...»<sup>18</sup>.

Одновременно возникает представление о необходимости фиксации деяний человека, которые могут (и должны) получить аксиологическую характеристику. Известно, что в Западной Европе следствием этого стало появление реальных «книг жизни»<sup>19</sup>, духовным прообразом которых послужили, в частности, упоминания таких книг в пророчестве Даниила (Дан. 12. 1) и в Апокалипсисе (Откр. 20. 12). Источники свидетельствуют о существовании подобных представлений и на Руси. Здесь книги, в которые записываются все дела людей на Земле, называются «книги животьные», или «кънигы живоущихъ», или «кънигы вьпросьные», или «кънигы чистые», или просто «кънигы»<sup>20</sup>. Однако в отличие от стран Европы на Руси реальные «книги живущих» до сих пор неизвестны. Не исключено, на наш взгляд, что в качестве таковых вполне могли рассматриваться летописи, которые со второй половины XI в. превращаются в реестр деяний людей, упоминаемых в них. В связи с этим отметим, что Деяния апостолов на Руси, между прочим, называли «летописанием»: «Наченшу же ся девятому на десяте лету Тивериа кесаря начят Павел проповедание, яко же рече *летописаниа*» («Слово 1 Павла апостола, предучиняемо книгам сим». Курсив наш. — *И. Д.*)<sup>21</sup>.

Таким образом, переименование летописного свода вряд ли было чисто формальным актом. Оно, видимо, совпало с изменением представлений о Страшном Суде и, возможно, о функциях летописания и скорее всего должно было быть связано с такими переменами.

Не исключено, что толчком к этому послужил расчет даты наступления конца света. Как в Ветхом, так и в Новом Заветах неоднократно подчеркивалось, что

только Создателю известен срок наступления конца света. «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один», — отвечает Христос на вопрос апостолов: «когда это будет?» (Мф. 24. 3, 36). Тем не менее средневековые богословы не жалели сил и времени, чтобы вычислить сакраментальную дату, призванную положить конец «миру сему». Наиболее широко была распространена версия о наступлении Страшного Суда по истечении 7000 лет от Сотворения мира<sup>22</sup>. Основывалась она на представлении о том, что история человечества повторяет путь, прообразованный самой историей Сотворения мира, а каждому из семи дней творения соответствует тысяча лет.

На первый взгляд, прежнее название летописи в гораздо большей степени соответствует ее новому содержанию. На смену явной ориентации на «последнее время» приходят, казалось бы, нейтральные «повести временных лет». Новое название Повести, однако, не столь однозначно, как может показаться современному читателю.

Прежде всего обращает на себя внимание само слово *повести*. Оно означало не только 'повести, рассказы', но и 'описания, сообщения, поучения, наставления, объяснения', а также 'предсказание и предвозвещение'<sup>23</sup>. С последним значением слова *повести* связан, видимо, оборот, встречающийся в Законщине и в Сказании о Мамаевом побоище, — «чаща поведеная»<sup>24</sup>. Представление о ней, очевидно, восходит не только к пиршественной круговой чаше, как это выражение обычно переводится<sup>25</sup>, но и к образам чаш в рассказах евангелистов о Тайной вечере и о молении Христа в Гефсиманском саду. В таком случае *поведеная* восходит к *поведь* — 'весть, проповедь, учение'<sup>26</sup>, или *поведети, поведе* — 'предсказать, предвозвестить, явить'<sup>27</sup>.

Словосочетание «временных лет» (к которому может быть отнесено каждое из перечисленных значений слова *повесть*) обычно переводится: «о прошедших годах», «минувших лет», «преходящих лет». По этому поводу Д. С. Лихачев писал: «Определение «временных» относится не к слову «повести», а к слову «лет». «Временных» значит «минувших», «прошедших». Именно в таком значении это слово упоминается и в переводе Хроники Георгия Амартола... Так же точно понял значение слова «временных» в XVI в. составитель так называемого Тверского сборника, переведший название «Повести временных лет» следующим образом: «Повести древних лет»»<sup>28</sup>.

Как видим, слово *временных* понимается здесь как 'временный, непостоянный, преходящий'<sup>29</sup>. Это прилагательное означало также 'не всегда, не вечно существующее, все земное, не вечное'<sup>30</sup> а во множественном числе — еще и противопоставляемое небесному 'земное'<sup>31</sup>. Сочетание всех этих значений в одном слове придавало обороту, избранному летописцем для наименования своего труда, определенный мистический оттенок.

Принципиально важно отметить, что у летописца была возможность выбора эпитета для определения «прошлых» или «преходящих» лет. Употребление в этом смысле слова *временный* — пример довольно редкий, хотя и не уникальный. Гораздо чаще использовались в подобных случаях (в том числе и в Повести временных лет) другие прилагательные: *предътекущици, предбудущици, предниши*<sup>32</sup>, либо *мимотекии*<sup>33</sup>. Очевидно, предпочтение слову *временные* было отдано не случайно. Летописцу удалось подобрать определение, сочетающее в себе практически все перечисленные выше значения. И не только их.

Словосочетание «временные лета» имеет прямую параллель в Коломенском списке Толковой Палеи (1406 г. ). Здесь в цитате из Деяний апостолов читаем: «... како убо взможем преступльше испытати, еже Творец Своєю областью положи, якоже и Сам отвеща Своим учеником, егда въпрошахуть Его: «Господи, аще в лето се устрояеши царство Израилево?» К ним же отвеща Иисус: «Несть вам разумети временных лет, яко Отец Своєю властью положи»<sup>34</sup>.

Вряд ли перед нами случайное совпадение. Скорее, это относительно устойчивый оборот, который имеет не только буквальное значение, но и функционирует как фразеологизм. Подтверждением тому может служить упоминание в Геннадиевской

Библии Апокалипсиса под названием «временных притчей пророчения» (во фрагменте из толкования Андрея Кесарийского, помещенном в качестве своеобразного предисловия к Откровению Иоанна Богослова)<sup>35</sup>.

Подобные параллели дают основание предположить, что в названии Повести временных лет речь идет не только о прошедших и преходящих годах, но и о конечной цели повествования, которое, как становится ясно, должно было быть доведено до наступления «Царства славы», до последнего дня «мира сего» (временного). Вместе с тем — это и та идея, которая могла бы объединить и, видимо, объединяет всю Повесть, придавая ей единство, цельность, законченность. Повествование может быть завершено в любой момент, как только появятся знамения наступающего конца мира, но до этого оно будет представлять собой «вечно продолжающийся итог». Потому-то «летопись фактически не имеет конца; ее конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем»<sup>36</sup>.

Приведенные рассуждения позволяют поставить вопрос о возможности нетрадиционного деления названия Повести на слова (и, соответственно, расстановки современных знаков препинания). Не исключено, что первые три строки Лаврентьевской летописи могут читаться следующим образом: «Се по вести временных лет откуду есть пошла Руская земля. Кто в Киеве нача первее княжити откуду Руская земля стала есть — се начнем повесть сию» («Вот [повествование] — от начала Русской земли до знамения<sup>37</sup> конца времен<sup>38</sup>. Кто в Киеве первым княжил и как<sup>39</sup> началась Русская земля — так начнем эту повесть»)<sup>40</sup>.

Вместе с тем становится ясно, что у летописца имелся особый интерес не только «к первопричинам событий, к началу, к происхождению тех или иных исторических явлений»<sup>41</sup>, но и к завершению мировой истории, к итогам описываемых им событий. Соответственно, нельзя согласиться с представлением, будто заглавие Повести временных лет первоначально относилось не ко всему своду, а только ко вводной монотематической части летописи<sup>42</sup>.

Предлагаемое толкование названия Повести получает дополнительное подкрепление при обращении к хронологическому расчету, помещенному под 6360 годом, сразу после первого датированного сообщения — о начале правления византийского императора Михаила III: «В лето 6360, индикта 15 день, наченшию Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля <...> Тем же отселе почнем и числа положим яко «От Адама до Потопа лет 2242; а от Потопа до Аврама лет 1000 и 82, а от Аврама до Исхоженья Моисеева лет 430; а от Исхожения Моисеева до Давида лет 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломона до плененья Иерусалимля лет 448; а от плененья до Олексаньдра лет 318; а от Олексаньдра до Рожества Христова лет 333; а от Христова Рожества до Коньстянтина лет 318; от Костянтина же до Михаила сего лет 542». А от первого лета Михайлова до первого лета Олгова, рускаго князя лет 29 <...> Но мы на прежнее возвратимся и скажем, што ся здея в лета си, яко же прежде почали бяхом первое лето Михайлом, а по ряду положим числа»<sup>43</sup>.

Интерес исследователей к данному расчету не угасает на протяжении многих десятилетий. Показательно, что одна из первых статей А. А. Шахматова по древнерусскому летописанию посвящена анализу именно этого фрагмента Повести<sup>44</sup>. Основное внимание ученых сосредоточилось на решении двух вопросов: определение источников, которыми пользовался летописец для составления своего хронологического перечня, и выяснение смысла данного расчета.

Первый из этих вопросов был решен практически сразу. Уже начиная с А. А. Шахматова большинство исследователей пришло к выводу, что в основе расчета лет «от Адама» лежит текст, близкий славянскому переводу «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора (на Руси эта византийская хроника была известна приблизительно с начала XII в.)<sup>45</sup>. Правда, определить протограф хронологической выкладки так и не удалось<sup>46</sup>.

Гораздо более сложным оказался вопрос о назначении и смысле расчета. В первых, было установлено, что хронологическая выкладка, сопровождающая сообщение о воцарении Михаила, уже в момент ее включения в летопись не могла

быть использована для расчета исходной даты Повести временных лет. Дело в том, что все известные списки Повести содержат в этом месте числа, которые в сумме не дают ожидаемого результата. Причем расхождения имеются не только в количестве лет «от Адама» до Михаила (ради чего, казалось бы с позиций здравого смысла и, производил летописец этот расчет), но и в определении времени, прошедшего от Сотворения мира до Рождества Христова. При сложении периодов, указанных в Повести временных лет, вместо 5508 или, скажем, 5500 лет, мы получаем либо 5434, либо, «за устранением ошибок», — 5453 года, что не совпадает ни с одним из известных 200 соотношений этих эр. Мнения исследователей по поводу таких расхождений свелись к тому, что цифровая часть первоначального текста была искажена или в результате неверного прочтения оригинала<sup>47</sup>, или в результате многократного «механического переписывания»<sup>48</sup>.

При этом был оставлен без внимания довольно странный факт: поскольку «ошибки» присутствуют во всех списках, можно сделать вывод, что ни один из летописцев не обращал внимания на математическое содержание расчета и потому его не проверял, или же что расхождения между суммарным числом лет и абсолютными датами Рождества Христова и воцарения Михаила были летописцам известны, но намеренно не исправлялись.

Кроме того, текст расчета 6360 г. имеет явно вставной характер. На это указывает завершающая его фраза («но мы на прежнее возвратимся») и повтор, «обрамляющий» его («отселе почнем и числа положим яко <...> яко же преже почали бяхом первое лето Михаилом, а по ряду положим числа»)<sup>49</sup>. В связи с тем, что расчет отсутствовал, судя по всему, в Начальном своде, его появление можно отнести ко времени составления I или II редакции Повести временных лет<sup>50</sup>. Следовательно, он едва ли не на полвека «моложе» абсолютных хронологических дат, разбивших монотематический рассказ на летописные статьи<sup>51</sup>, а потому никак не мог быть связан с расчетом даты воцарения Михаила.

Все это с неизбежностью ведет к выводу, что «само привлечение расчета лет от Адама» выглядит «нелогичным»<sup>52</sup>. В свою очередь, алогичность и бесполезность (с современной прагматической точки зрения) расчета 6360 г. рождает закономерный вопрос: зачем понадобилось летописцу включать в свое произведение перечень лет «от Адама»?

Проведенный анализ названия Повести позволяет, как представляется, сменить точку зрения на «дефектный» расчет и, возможно, разобраться в его смысле. Тем более что появление его в статье 6360 г. совпадает по времени с изменением самого названия летописи и, быть может, семантически связано с ним.

Начнем с сопровождающей расчет фразы: «Темже отселе почнем и числа положим <...> по ряду положим числа»<sup>53</sup>. Традиционно оно воспринимается как «обещание» летописца вести дальнейшее изложение в строгой хронологической последовательности. Действительно, выражение *по ряду* значит «одно за другим, последовательно, непрерывно». Однако слово *ряд* значило еще и «распоряжение, завещание, суд, договор» (в частности, *положити ряд* — «заключить договор»)<sup>54</sup>. Слово же *число* кроме обычных для современного русского языка значений в древнерусском языке понималось и как «мера, предел», и как «вычисление, предсказание»<sup>55</sup>. Следовательно, для средневекового читателя фраза, предшествующая расчету и завершающая его, могла нести дополнительную смысловую нагрузку. «Положити числа по ряду» могло значить и «расположить даты по порядку», и «установить предел по завету (договору)» и «установить меру (времени) до Суда». Другими словами, этот фрагмент статьи 6360 г. может восприниматься как текст, построенный по принципам многоярусной семантики и сориентированный кроме буквального значения на определение хронологических пределов расчета, а значит, и всей летописи: от Сотворения мира до Страшного Суда.

Что же касается самого перечня лет, то есть все основания полагать, что он связан не с установлением конкретной даты, а с периодизацией истории человечества. В христианском мире начиная с раннего средневековья существовала традиция описания исторического процесса по «возрастам», соответственно шести

дням творения. При этом выделялись следующие периоды-«дни»: от сотворения Адама до Потопа, от Потопа до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до Вавилонского пленения, от Пленения до Рождества Христова и, наконец, от Рождества до Страшного Суда<sup>56</sup>. Нетрудно убедиться, что все необходимые ключевые моменты присутствуют в нашем тексте. Количественные показатели играют в нем вспомогательную (хотя и не второстепенную) роль. Характерно, что те же периоды, но без указания лет, мы встречаем в Толковой Палее<sup>57</sup>, в Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра<sup>58</sup> и в других источниках<sup>59</sup>.

Группировка сроков, приведенных в этом хронологическом перечне, по указанным периодам дает последовательность в пять промежутков времени приблизительно по 1000 лет каждый (первый период — сдвоенный). В шестой же «день» пишется сама Повесть.

Такой результат представляется вполне удовлетворительным, поскольку в иудейско-христианской традиции тысячелетние периоды часто приравниваются к одному Божественному дню<sup>60</sup> или к одному «веку»<sup>61</sup>. Имеющиеся отклонения от тысячелетнего срока пока не вполне ясны, но, видимо, также не лишены смысла<sup>62</sup>. Во всяком случае есть все основания полагать, что расчет лет, приведенный в статье 6360 г. Повести временных лет, ориентирует читателя на событие, которое призвано завершить повествование, как, впрочем, и всю земную историю вообще: Второе пришествие Христа.

Место, куда был вставлен хронологический расчет «от Адама», видимо, также вписывалось в эсхатологическую ориентацию летописца. С одной стороны, представляется вполне логичным помещение подобной выкладки после упоминания в Повести временных лет первой абсолютной хронологической даты (6360 г.), позволившей летописцу, работавшему в конце 60-х — начале 70-х гг. XI в., восстановить в монотематическом рассказе дату похода Аскольда и Дира на Константинополь (6374 г.) по относительному временному показанию («в 14 лето Михаила цесаря»)<sup>63</sup>. С другой же стороны (особенно учитывая математическую алогичность перечня), символический расчет оказался связанным с сообщением о начале правления императора Михаила, что перекликается с пророчеством Даниила о Страшном Суде. В частности, в пророчестве упоминается, что непосредственно перед концом времен «восстанет Михаил князь великий» (Дан. 12. 1).

Дополнение смысла Повести вторым — эсхатологическим — планом изложения позволяет легко объяснить, почему летописец с такой настойчивостью фиксировал события, далекие от «мирских страстей и политических интересов»: затмения Солнца и Луны, налеты саранчи, землетрясения, моровые поветрия, появления комет, огненных столпов, «знамений змиевых» и т. д. Все они подпадают под категорию знамений, которые могли предвещать конец света<sup>64</sup>, а потому каждое из них могло стать логическим завершением труда летописца — в полном соответствии с «программой», провозглашенной им в названии Повести. Эта черта, кстати, сближает древнерусскую летопись с пророческими писаниями: «по форме — временными, по содержанию — эсхатологическими»<sup>65</sup>.

Предлагаемое нами понимание смысла летописи позволяет с новых позиций взглянуть и на вопрос об угасании летописного жанра в конце XV — начале XVI в.<sup>66</sup> Переход от собственно летописного (по годам) к хронологическому (по царствам) принципу построения текста может тогда объясняться колоссальным мировоззренческим кризисом, имевшим место на рубеже веков и связанным с напряженно ожидавшимся, но так и не наступившим концом света по истечении семи тысяч лет после сотворения мира.

Летописание пережило себя. Его форма начала изменяться. Появляются огромные обобщающие летописные своды, яркими примерами которых могут служить Воскресенская и Никоновская летописи, Лицевой свод, Степенная книга. Несомненно, эти изменения были связаны с образованием единого Русского государства<sup>67</sup>. Но представляется, что отрицать влияние на изменение формы летописей перемен в мировоззренческой сфере было бы нелогично. Во всяком

случае, такой вопрос заслуживает специального исследования. При этом любопытно отметить, что в то же самое время несколько меняется отношение к ожиданию Страшного Суда и в Западной Европе<sup>68</sup>. Не исключено, что именно изменения в сфере экзистенциальных ценностей и, в частности, некоторое «разочарование» в связи с ненаступившим концом времен стали неосознанной основой идейных и политических потрясений европейских государств и России в XVI — начале XVII в.

## Примечания

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Комментарий//Повесть временных лет. Ч. 2. М., 1950. С. 48; его же. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. Изд. 2, доп. М., 1980. С. 78. <sup>2</sup> Его же. Великое наследие. С. 78.

<sup>3</sup> Ср.: Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 107—108, 120 и др.

<sup>4</sup> Повесть временных лет. Ч. 1. М., 1950. С. 9.

<sup>5</sup> Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 359. Частично с этой точкой зрения согласен и Д. С. Лихачев; он, правда, полагает, что слова «прежде Новгородская власть и потом Киевская» являются более поздней новгородской вставкой (Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк//Повесть временных лет. Ч. 2. С. 97; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 8).

<sup>6</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 1246.

<sup>7</sup> Повесть временных лет. Ч. 1. С. 102—103.

<sup>8</sup> См.: Светлов Р. В. Древняя языческая религиозность. СПб., 1993. С. 14.

<sup>9</sup> Кстати, выбор веры осуществляется Владимиром Святославичем в совершенно определенном конфессиональном кругу: иудеи, мусульмане, западные и восточные христиане имеют единую основу Священного Писания.

<sup>10</sup> «Проповестъ ся сие Евангелие царствия по въсей Вьселенней въ сведетельство въсемь языкомь. И тогда придетъ кончина» — Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе с иллюстрациями. Т. 7. М., 1992. Л. 705 об. (с. 90).

<sup>11</sup> Библия 1499 года... Л. 901 об. (Т. 8. М., 1993. С. 505); текст в квадратных скобках — зачеркнут. <sup>12</sup> Хавский П. В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности. СПб., 1849. С. 9.

<sup>13</sup> Подробнее см.: Пронштейн А. П., Данилевский И. Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 66—67, 72—73 и др.

<sup>14</sup> Повесть временных лет. Ч. 1. С. 71.

<sup>15</sup> Подробнее см.: Данилевский И. Н. Летосчислительная система Философа: К вопросу о хронологическом анализе временных указаний Повести временных лет//Чтения памяти В. Б. Кобриня: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Тезисы докладов и сообщений. М., 1992. С. 50—51.

<sup>16</sup> Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 398—420.

<sup>17</sup> Иларион. Слово о Законе и Благодати/Древнерусский текст-реконструкция Л. П. Жуковской. М., 1994. С. 30, 32, 58.

<sup>18</sup> Изборник 1076 года. М., 1965. С. 438—440 (л. 90 об. — 91 об.).

<sup>19</sup> Ср.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 118—119 и след.

<sup>20</sup> Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. (Далее — СлДрЯ XI—XIV вв.). Т. 4. М., 1988. С. 354. К сожалению, словосочетание «книги чистые» в названном значении лингвистами не выделено, тогда как контекст, в котором он встречается, не дает оснований сомневаться в его семантике: «Его же имя не напишеться в чистых книгах: не достоин бо есть» (Пролог XIV в.); ср.: «И с правдыными не напишюся, но да потреблюся от книг живущих» (Сказание о Борисе и Глебе//Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 50).

<sup>21</sup> Библия 1499 года... Л. 875 (Т. 8. С. 381).

<sup>22</sup> См., напр.: «Сказание о скончании седьмой тысящи» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — первой половины XVI в. М.; Л., 1955. Приложение 23. С. 405 и др.). Встречались, однако, и иные взгляды (ср.: Иоанн Малала. Хроника//Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994 [Репринт]. С. 259 и др.).

<sup>23</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1008—1010; Словарь русского языка XI—XVII вв. (далее — СлРЯ XI—XVII вв.). Т. 15. М., 1989. С. 143, 152.

<sup>24</sup> «Брате князе Владимире, туто испити медвеная чаша поведеные» (Слово о Куликовской битве Софония Рязанда//Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 39); «Брате князь Владимир Андреевич, тут, брате, испити медовья чары поведеные» (Задонщина//Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 108); «... утре бо нам с ними пити общую чашу, между събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси въжделеша» (Сказание о Мамаевом побоище//Там же. С. 166). Принципиально важным в данном случае является вопрос об орфографии слова «поведеная». Во многих сохранившихся списках Задонщины оно написано через букву «естъ» («поведеная»). Такая форма вполне отвечает традиционному пониманию выражения «чаша (чара) поведеная». Однако в

реконструкции первоначального чтения текста, основывающейся на списке Исторического музея 2 (№ 3045; конец XV — начало XVI в. ), приводится форма «повбденая», что соответствует именно предлагаемому нами толкованию (см., Адрианова-Перетц В. П. Задонщина: Опыт реконструкции авторского текста//ГОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 236). Пользуюсь случаем поблагодарить В. Н. Рудакову, обратившего мое внимание на это выражение.

<sup>25</sup> Ср.: СлРЯ XI—XVII вв. Т. 15. С. 143 (кстати, иллюстрации к этому значению даны только из Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище).

<sup>26</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1007; СлРЯ XI—XVII вв. Т. 15. С. 144.

<sup>27</sup> СлРЯ XI—XVII вв. Т. 15. С. 143.

<sup>28</sup> Лихачев Д. С. Комментарий. С. 203—204.

<sup>29</sup> СлДрЯ XI—XIV вв. Т. 1. М., 1988. С. 492.

<sup>30</sup> СлРЯ XI—XVII вв. Т. 3. М., 1976. С. 107.

<sup>31</sup> СлДрЯ XI—XIV вв. Т. 1. С. 492.

<sup>32</sup> ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 18, 68, 190, 236, 273.

<sup>33</sup> От *мимоидети* — проходить, протекать не останавливаясь (Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993 [Репринт]. С. 306). Ср.: «не мимоидеть род сей, дондеже вся сия будут, небо и земля мимоидеть, словеса же Моя не мимоидуть» (Библия 1499 года... Л. 706). В Синодальном переводе: «не преидет род сей, как все сия будет; небо и земля преидут, но слова Мои не преидут» (Мф. 24. 34—35).

<sup>34</sup> Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1. М., 1892. Л. 83—83 об. (Разрядка наша. — *И. Д.*).

<sup>35</sup> Библия 1499 года... Л. 889 (Т. 8. С. 423).

<sup>36</sup> Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»... С. 41; его же. Великое наследие. С. 72 и др.

<sup>37</sup> В данном случае слово *весть* значит: 'весть, известие, знак, сигнал' (ср.: «Веде, яко Месня идеть. Егда придеть, повесть ны все». — Слово Иоанна Златоуста//Успенский сборник... С. 423). Заметим попутно, что слово *несведом* означало 'беспредельный' (Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959. С. 107), а также 'несчетный, неизмеримый' (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 428).

<sup>38</sup> «Временные» в данном контексте — от слова *время* в значении 'установленное, назначенное время, срок' — СлДрЯ XI—XIV вв. Т. 1. С. 495—496. Составители словаря, к сожалению, не обратили внимание на то, что в приводимых к этим значениям иллюстрациях имеется в виду вполне конкретный срок: время до Страшного Суда. Ср.: «По летех, рече, иповременех будет, рече ваш князь сотона» (Палея Толковая 1406 г... Л. 139 об. ); «Постыдимься (нарушать заповеди. — *И. Д.* ) оуже время бо приближися и днь приде» (Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических конца XII — начала XIII в. Т. 1. М., 1988. С. 495); «Егда придеть время, аз правду соужю (Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 24. Разрядка наша. — *И. Д.* ).

<sup>39</sup> Слово *откуда* могло означать не только 'откуда, из какого места', но из 'из какого источника, по какой причине, отчего, почему, каким образом' (СлРЯ XI—XVII вв. Т. 13. М., 1987. С. 253).

<sup>40</sup> Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность А. С. Демину и А. Н. Ужанкову, обратившим мое внимание на возможность такого чтения. Заметим попутно, что благодаря ему исчезает тавтологичность, присущая традиционному восприятию названия Повести («откуда есть пошла Руская земля» — «откуда Руская земля стала есть»).

<sup>41</sup> Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»... С. 136.

<sup>42</sup> Никольский Н. К. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании//Сборник по русскому языку и словесности. Т. 2. Вып. 1. Л., 1930. С. 42.

<sup>43</sup> Повесть временных лет. Ч. 1. С. 17.

<sup>44</sup> Шахматов А. А. Исходная точка летосчисления «Повести временных лет»//Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Март. Ч. 310. № 3. С. 217—222.

<sup>45</sup> Там же. С. 219 и след.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники//ГОДРЛ. Т. 4. Л., 1940. С. 64—65. Ср.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»... С. 50; Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности//Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 234.

<sup>46</sup> См.: Дубенский Д. Н. О некоторых годах Несторовой летописи//Временник МОИДР. Кн. 21. 1855; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 258. Следует отметить, что высказывались и другие точки зрения по поводу источника хронологического расчета 6360 г. (Срезневский И. И. Статьи о древних русских летописях. СПб., 1903. С. 20; и др. ), но они не получили признания.

<sup>47</sup> Шахматов А. А. Исходная точка... С. 219—220.

<sup>48</sup> Там же. С. 220; Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 258.

<sup>49</sup> Ср.: Кузьмин А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.

С. 81. <sup>50</sup> Д. С. Лихачев связывает его с деятельностью Нестора, т. е. относит к 1113 г. (Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»... С. 110—111).

<sup>51</sup> Напомним, что введение принципа изложения по годам обычно связывается с именем Никона Великого, который, по общепринятой гипотезе А. А. Шахматова, в 60-х — начале 70-х гг. XI в. создал первую летопись (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 34; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 76—93; его же. «Повесть временных лет»... С. 84—96, и др. Ср.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 121).

<sup>52</sup> Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 259.

<sup>53</sup> Любопытные лексические и фразеологические (а возможно, и семантические) параллели представляет подзаголовок расписания рядовых (ежедневных) евангельских чтений в Геннадиевской Библии (л. 777): «Сказаниепреимущее *всего лета число евангельское и евангелистом претие, откуду начинают и до где стають. Ведомо есть, яко чтется ряд* от Иоанна святого Евангелия...» (Библия 1499 года... Т. 7. С. 387. Курсив наш. — *И. Д.*).

<sup>54</sup> Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 3. СПб., 1903. Стб. 231-235.

<sup>55</sup> Там же. Стб. 1523, 1526.

<sup>56</sup> Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992, С. 157.

<sup>57</sup> «... Вспомни дни древняя от първозданана Адама до Потопа <... > Помяни же от Потопа до здания столпу <... > Помяни же от столпотворения до Авраама. Помяни же от Враама до Моисея. Помяни же от Моисея до Давида, а от Давида до Иоана Крестителя, сына Захариина...» («Палей Толковая... Л. 83—83 об. »).

<sup>58</sup> «От Адама до Потопа, от Потопа до разделения язык, от размешения язык до начяла Авраамля, от Авраама до проитиа Иисраиля сквозе море, от Исхода сынов Иисраилев до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова Рожества, от Рожества Христова до страсти и Воскресения, от Воскресения же Его и на небеса възшествия и до царства Константинова, от начала царства Константинова до Перваго збора и Седмаго — си вся добре сведаемь...» («Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 436).

<sup>59</sup> Ср., напр.: «Моисий же <... > научися от ангела Гаврила о бытьи всего мира, и о первом человеце, и яже суть была по нем и по Потопе, и о смешеньи язык... (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 66).

<sup>60</sup> Ср.: «Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел» (Пс. 89. 5); «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3. 8).

<sup>61</sup> «О веках мира. От Адама до настоящего года минуло 6 веков, а седьмого века минуло 6644 года. Тысяча лет составляет один век» (Кирик Новгородец. Учение, им же ведати человеку числа всех лет//Историко-математические исследования. Вып. 6. М., 1953. С. 177).

<sup>62</sup> Ср.: Бобринский А. Астрономия Библии. Париж, 1928. С. 20—21 и др.

<sup>63</sup> Повесть временных лет. Ч. 1. С. 19.

<sup>64</sup> См. описание конца света в Книге пророка Даниила, в Третьей книге Ездры, в синоптических Евангелиях, в Откровении Иоанна Богослова, а также в апокрифических сказаниях, их развивающих, в частности, в Откровении Мефодия Патарского, фрагмент из которого был вставлен в Повесть временных лет под 6604 годом (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 167—168). А. А. Шахматов относил эту вставку к третьей редакции Повести (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 294—295).

<sup>65</sup> Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии: Ветхий Завет. Милан; М., 1992. С. 268.

<sup>66</sup> См. Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 161. Ср.: Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»... С. 41.

<sup>67</sup> Лурье Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.; Paris, 1994. С. 216—217.

<sup>68</sup> См.: Арьес Ф. Указ. соч. С. 121 и след.

© 1995 г. Б. Н. ФЛОРЯ \*

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОЛОЦКА

Хорошо известно о существовании в некоторых землях средневековой Руси особого типа государств — городских республик, отличавшихся от соседних княжеств своими «вольностями». Осознание отличий в общественном строе «своего» и других княжеств побуждало граждан республик искать историческое объяснение и обоснование этих отличий. Специалисты по истории Новгорода проследили такие попытки, предпринимавшиеся на новгородской почве, начиная со сказания о «призвании князей» и кончая представлением о «Ярославных грамотах» как источнике новгородских вольностей. Цель настоящей статьи — рассмотреть аналогичную историческую традицию, возникшую на почве другого крупного центра средневековой Руси — Полоцка.

Сообщение о древнем политическом строе Полоцка дошло до нас в составе позднего и довольно недостоверного памятника, получившего в научной литера-

\* **Флоря Борис Николаевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.